

Михаил Зощенко: «Чувствуешь себя бандитом и жуликом»

26 ноября 1927 года Корней Чуковский записал в «Дневнике» свой разговор с приунывшим Михаилом Зощенко:

— Значит, вы всех ненавидите? Не можете вынести ни одного?

— Нет, одного могу... Мишу Слонимского... Да и то лишь тогда, если я у него в гостях, а не он у меня...

Этот бранливо-шутливый диалог почти семидесятилетней давности припомнился мне, когда на днях я побывал в гостях у Иды Исааковны Слонимской, вдовы известного писателя.

...Старинная петербургская квартира в доме по Чебоксарскому переулку. Через несколько десятков метров — музей (увы, очень скромный) великого русского юмориста.

Многое в квартире приветливой, еще бодрой хозяйки напоминает об авторе классически знаменитой «Аристократки»: его портреты и книги с трогательными дружескими надписями, различные фотографии, рисунки... Вот за этим столом часто сживал Михаил Михайлович, здесь он бывал и в периоды своей фантастической славы, и в тяжкие времена официальной хулы. Не нужно много воображения, чтобы представить: вот сейчас откроется дверь и появится самый веселый рассказчик нашего столетия и, к сожалению, далеко не всегда веселый человек...

— Я познакомилась с Михаилом Михайловичем в 1922 году, на семинаре Евгения Ивановича Замятина, — рассказывает Ида Исааковна. — Не раз бывала и в позже ставшем знаменитым «Доме искусств», где тогда жил Зощенко.

Поразительно! Многие повидавшая на своем веку женщина говорит о том, что давно вошло в учебники литературы, говорит просто, буднично, будто это случилось вчера. Другая бы бойкая сочинительница давно настрочила толстенные мемуары, а она, улыбаясь, без тени какой-либо рисовки, только телерь раскрывает прелюбопытнейшие домашние секреты. Оказывается, в 1924 году (!) Михаил Михайлович был на ее свадьбе с Михаилом Леонидовичем Слонимским... шафером (правда, свои обязанности он выполнял скверно). Этот семейный эпизод тем более примечателен, что невеста, тогда студентка-биолог, вышла замуж вопреки воле родителей.

Зощенко дружески-трогательно отнесся к Дусе (так он по-домашнему звал подругу своего товарища) и сохранил к ней доброе чувство на всю жизнь.

На своей фотографии (15 августа 1922 г.) Зощенко в обычном своем шутливом тоне написал: «Не сердись, Дуся: не виноват! Люблю тебя по-прежнему. Ты самый старый друг и — верю — самый твердый». На другом своем портрете (5 апреля 1928 г.) он тоже оставил драгоценную памятную строчку: «Дусе Слонимской с нежной любовью». О неизменном доверии к ней свидетельствуют и подаренные писателем «дорогому другу Дусеньке...» сборники (рубежные в его биографии) 1937 и 1958 годов с теплыми надписями.

Ида Исааковна вспоминает знакомых ей литераторов-«серапионов» (Е. Замятин, К. Федин, Н. Тихонов, В. Каверин и др.), говорит о подлинном духе творчества этого писательского сообщества.

...В эту квартиру (по соседству с каналом Грибоедова) заглядывали многие ленинградские прозаики и поэты. Заходил сюда и Петр Павленко, автор «Счастья», всегда шумно разговаривавший, казавшийся таким открытым и доступным. Не он ли стряпал доносы на Зощенко (часть из них опубликована в журнале «Родина»?.. Нам еще предстоит разобраться в тайных пружинах травли замечательного писателя. Не отсюда ли берет начало его вселенская хандра?... Особенно, вспоминает И. И. Слонимская, она мучила Михаила Михайловича после печально известного «ждановского» постановления ЦК партии (1946).

Он, человек гордый, не раз видевший на войне смерть в лицо, не любил «изливать душу»; он просто заходил к друзьям-соседям и сердцем отдыхал от навалившегося горя. С Михаилом Леонидовичем Слонимским он не всегда находил общий язык, но то был откровенный диалог собратьев по перу. О безграничном расположении автора «Рассказов Назара Ильича, господина Синябрюхова» к своему другу свидетельствует публикуемое ниже письмо (ранее из него печатался лишь фрагмент), хранящееся ныне в Государственном архиве литературы и искусства (Санкт-Петербург). Приводим его полностью, за исключением лично-бытового постскриптума.

Дорогой Миша!
Получил твое письмецо. Ну, спасибо, что не позабыл. Я уж думал, что пере-

рождение моей личности всерьез отразилось на нашей дружбишке.

Ну, значит, все в порядке.

Следишь ли ты за высокой литературой? Небось, не читаешь «Литературную газету»? Жалко, если чего пропустил. Бог знает, что происходит! Форменная секир-башка. Пильняку отрубили голову! На очереди Замятин и иже с ними. Сей беспорядок, может, и до меня дойдет. Буду вести себя более прилично, чем некоторые уважаемые писатели, которые с перепугу черт знает что написали в газете.

Ну да, надо полагать, вся история дошла уж до тебя и ты в курсе. А если нет, — почитай «Литературную газету».

Предлагается, кроме всего прочего, чистка рядов литературной братии. Надо полагать, ты будешь в комиссии. Забегаю вперед — похлопочи в случае чего — пуцай меня оставят — может, чего и напишу еще пригодное для социализма в одной стране. Тем более — твои шансы высоки.

Чумандин¹ печатает (в «Красной газете», вечерний выпуск) статьи, в которых очень прославляет тебя и твою общественную значимость. Может, даже тебе убавят квартирную плату.

Ну, не сердись за шутки, дорогой Миша! При все том я сердечно к тебе отношусь.

А что происходит сейчас на литературном фронте — достойно внимания. Хотя и печальна — все равно последи.

По-моему, все просто: надо оставить только коммунистических писателей с уклоном в генеральную линию, а остальных перевести на другое занятие. Тогда мир, тишина и благоденствие водворятся среди нас. А пока что происходят «неполадки» (какое гнусное словечко изобрели) — кое-кого тащат и «ломают руки».

Замятина жалко. Некрасивое зрелище, когда «европейца и англomана» волокут мордой по мостовой. Грубое зрелище.

Если на меня будут слишком орать, — сложу оружие. Напишу в газету письмо, что временно оставляю литературные занятия. Ну, а если храбрости (а главное — желания скандалить) не хватит, то просто наплюю и действительно брошу писать на год или два. Очень уж беспокоюсь получаюся (а последнее время пишу много и с удовольствием). Книжку мою чертовски

ругают, но я уже на это плюю. Невозможно объясняться. Я сейчас только соображаю, за что меня (последний год) ругают, — за мещанство! Эва, дела какие!

Я долго не понимал, в чем дело. Последняя статья (по радио крыли) разъяснила. Черт побери, ну как объяснять. Ну путают с автором! Не могу же я к каждому рассказу прилагать учебник словесности.

Наплюю на все. Но в случае чего — кину литературу. Или, например, встану рядом с Тиняковым². Пройдешь мимо — не забудь сунуть в руку В общем худо, Мишечка! Не забавно Орут. Стыдят в чем-то. Чувствуешь себя бандитом и жуликом.

Ну, не буду тебя огорчать «кошмарной действительностью». Надеюсь, ты отдохнул и уже думаешь, что в литературе не забудки растут.

Ну, прощай, дорогой!
20 сентября я выезжаю в Москву, а оттуда в Крым, в Ялту. Так что, вероятно, застану тебя еще. Ну, застряну в Москве на 3 — 4 дня. В Ялте буду числа 25 — 27. А в Мисхор заеду, ну, скажем, — 28 — 29, а может, и раньше. Ну, еще напишу из Москвы.

До свидания, голубчик.
Целую. Поклонись, пожалуйста, Дусе.

Зелательно вас увидеть на прелестном фоне Черного моря.

С коммунистическим приветом М. Зощенко

12/IX — 1929

Многое в этом письме примечательно: и резкое неприятие художником «генеральной линии» партии, и скрытая за улыбкой боль за поправное большевиками достоинство литератора, и откровенная ирония беспартийного сатирика, пародирующего застывшее левое верное «С коммунистическим приветом...» Как тут не вспомнить признание Зощенко: «...я не коммунист, не эс-эр, не монархист, я просто русский» («О себе, об идеологии и еще кое о чем»).

Мы еще плохо знаем богатую и трудную внутреннюю жизнь писателя. Это он в 1940 году писал артисту-чтецу В. Н. Яхонтову, благодаря его за глубокое прочтение своих произведений: «Я был (в силу особых свойств характера) замаскирован смехом». Нам еще предстоит новое открытие жизни и

ФОТО МОИСЕЯ НАПЛЕЛЬБАМА

творчества великого юмориста XX века. Осип Мандельштам был прав, когда утверждал, что Зощенко заслуживает памятника в Летнем саду рядом с бронзовым Крыловым. Придет время, и такой памятник обязательно будет

В гостях у И. И. Слонимской побывал и письмо М. М. Зощенко подготовил и печати Виктор КУЗНЕЦОВ, писатель, доцент Санкт-Петербургской академии культуры.

...
¹ Пильняк Б. А. подвергся резкой критической травле в 1929 г. после публикации за рубежом его повести «Красное дерево».
² Чумандин М. Ф. (1905 — 1940),

писатель, один из руководителей Ассоциации пролетарских писателей в Ленинграде.

³ Замятин Е. И., писатель, автор романа «Мы», в 1916 — 1917 гг. находился в командировке в Англии для наблюдения за строительством судов по русским заказам. Пребывание за рубежом нашло отражение в его «английской» дилогии «Островитяне» и «Ловец человеков».

⁴ В контексте размышлений М. М. Зощенко говорит о непонимании вульгарной критикой неоднозначных позиций автора и повествователя-рассказчика.

⁵ Тиняков (псевд. Одинокый) (1886 — 1934), поэт, деятель, занимался сбором петербургских уличных